

Жун Жо боязливо поднял голову и, присмотревшись, выдохнул:

— Брат Чу? Как ты здесь...

Цзян Ехун чиркнул огнем прямо перед своим лицом, напустив на себя мрачный вид.

— А ты не из пугливых, как я погляжу. Явиться на место преступления в такой час... Не боишься призраков?

Жун Жо, казалось, заметно расслабился.

— А, так это ты, брат Чу. Напугал до смерти.

Ехун протянул руку и помог юноше подняться.

— Напугал он его. Боялся бы — не пришел.

Жун Жо принялся отряхивать подол от пыли.

— Ты же сам говорил, брат Чу: тот призрак, что пугает — добрый. А я пока даже добрых не встречал.

Ехун легонько щелкнул его по лбу.

— Радуюсь еще? А если бы здесь затаился убийца? Это же опасно!

Юноша осторожно потянул Ехуна за край рукава.

— Прости меня, брат Чу. Я не должен был приходить один так поздно. Но кое-какие мысли не давали мне покоя, словно заноза в сердце. Пока не проверил бы — не заснул.

Цзян Ехун принялся оглядываться в поисках подсвечника.

— Понимаю. Но в следующий раз обещаю, что предупредишь меня. В любое время дня и ночи я пойду с тобой. Одному здесь находиться нельзя.

— Виноват, больше не повторится. Брат Чу, ты ищешь свечу?

— Да. Пол и стол не тронуты огнем, значит, свеча должна была упасть где-то рядом. Но почему

ее нигде нет?

— Я уже всё осмотрел, — покачал головой Жун Жо. — Никаких следов. Даже если бы она полностью расплавилась, остались бы пятна воска. Смотри, брат Чу, вот подсвечник — он закатился под стол, но свечи в нем нет. Далеко она не могла попасть, а на стенах тоже чисто.

Цзян Ехун нахмурился.

— Может, сгорела в том пожаре?

— После огня всегда остаются следы, — возразил Жун Жо. Он перевел взгляд на узкое чердачное окно прямо над столом. — Брат Чу, посмотри на отметины от веревки на балке. Снаружи, через окно, их ведь не видно?

Ехун присмотрелся, мысленно сопоставляя ракурсы.

— Похоже на то.

Юноша указал на стол.

— И еще: стол стоит чуть поодаль от того места, где висело тело У Хуэйюнь. Если бы подсвечник стоял на столе при закрытых ставнях, мы бы никак не увидели тень на окне. Тогда что же за тень мы видели той ночью? Чье тело взмыло вверх?

Жун Жо и сам зашел в тупик.

— Возможно, это какая-то хитроумная уловка, обман зрения. Боюсь, сейчас мы это не докажем. Давай вернемся на рассвете.

Цзян Ехун почувствовал, как веки наливаются свинцом.

— Верно. Пора спать.

Следуя за ним, Жун Жо негромко спросил:

— Брат Чу, а как ты узнал, что я ушел?

Ехун мгновенно замялся.

— Ну... я... проснулся воды попить, смотрю — а тебя нет...

— Неужели я слишком сильно посолил ужин?

— Вовсе нет! Жажда — это не всегда от соли. Не забивай голову, идем быстрее, а то поспать совсем не успеем.

Жун Жо опустил голову, пряча лукавую улыбку.

После всех этих метаний Цзян Ехун провалился в сон, едва коснувшись подушки. Казалось, он только закрыл глаза, как в комнату ворвался свет. Он накрылся одеялом с головой, пытаясь ухватить остатки сна, но Хэй Яньван во дворе уже принялся добросовестно исполнять свой долг, призывая хозяина вставать.

Ехун зажал уши подушкой. Проклятая псина! Порой эта собака вела себя хуже самого скверного человека. Впрочем, это было уже привычным ритуалом каждого утра.

Внезапно лай стих. Ехуну стало не по себе — с чего бы это зверь так резко переменял нрав? Он выглянул в окно и увидел, как Жун Жо кладет в собачью миску несколько сахарных косточек.

«И как я сам до этого не додумался?» — мелькнуло в голове. Он всё-таки был чертовски сообразителен.

— Брат Чу, ты проснулся? Завтрак готов, садись за стол.

В лучах утреннего солнца, заглядывавшего во двор, юноша казался сошедшим с древней картины небожителем. Ехун почувствовал, как щеки обдает жаром, и поспешно отвернулся, наткнувшись взглядом на Хэй Яньвана. Пёс, сжимая кость в зубах, смотрел на него своими черными глазами с явным пренебрежением. Ехун вспыхнул от злости, но сорваться не мог — в этом дворе он не смел перечить ни этой собаке, ни даже курице.

Жун Жо подал завтрак.

— Брат Чу, ты совсем не выспался? Это из-за меня...

— Да при чем тут ты? Ешь скорее, закончим и снова наведаемся к У Хуэйюнь.

Не успел он договорить, как во дворе раздался знакомый громовой голос. Ехун, дожёвывая баоцзы, лишь закатил глаза.

Вбежал Чжао Чэнь, обливаясь потом.

— Глава Чу, беда! У нас новое дело!

— Опять? — выдохнул Ехун. — Хоть один день в этом городе пройдет спокойно?

Чжао Чэнь виновато перевел дух.

— Дело и впрямь скверное. Доктора Фу из лечебницы «Фу» нашли мертвым в Медицинской лавке семьи Гу.

Ехун на миг оцепенел.

— Лечебница «Фу»?

— Да, Фу Юдао. Сегодня утром его обнаружили в Медицинской лавке семьи Гу. Сгорел заживо.

Когда они добрались до места, в заднем дворе Медицинской лавки семьи Гу лежало обугленное тело, в котором трудно было узнать человека. Цзян Ехун прижал платок к носу.

— Как вы вообще поняли, кто это? Здесь же одна головня.

Хо Ча невозмутимо поднял обгоревший нефритовый жетон.

— Тут всё написано: Фу, Ю, дао.

Жун Жо внимательно осмотрел землю вокруг трупа.

— Брат Чу, посмотри: на земле нет следов копоти или огня. Значит, его сожгли не здесь, а притащили сюда уже обугленным.

Хо Ча выпрямился, одобрительно взглянув на юношу.

— Проницательно. Тело действительно перенесли. Не зря говорят: яблоко от яблони — сын первой женщины-коронеры столицы знает свое дело. Вопрос лишь в том, кто его сжег и зачем подбросил именно сюда?

— Кто нашел тело? — спросил Ехун.

Хо Ча указал на старика, стоявшего неподалеку. Это был тот самый дед, с которым он болтал на днях, но сейчас беднягу колотило от ужаса.

— Почтенный, как вы здесь оказались?

Старик поднял затуманенные глаза:

— Мой кот повадился сюда бегать, к черной кошке этой Медицинской лавки семьи Гу... Утром шел мимо, слышу — орёт дурниной. Заглянул посмотреть, не мой ли, а там... две кошки этот труп грызут! Чуть душа из меня вон не вышла, думал, к самому Яньвану отправлюсь.

Ехун вспомнил их ночную вылазку. Они видели белую тень, но во двор не заходили. Возможно, труп уже тогда лежал здесь.

Он повернулся к Чжао Чэню:

— Когда Фу Юдао видели в последний раз?

— Расспросил домашних. Говорят, вчера вечером ушел пропустить по стаканчику с друзьями. Те подтвердили: посидели знатно, но Фу ушел от них еще в час Свиньи.

— Один?

— Да, сам пошел. До дома там всего-то пара кварталов.

Жун Жо, ничуть не смущенный видом обгоревших останков, задумчиво произнес:

— Брат Чжао, а этот Фу Юдао... он часто выпивал?

— Постоянно, если верить родне.

— А как насчет иглоукалывания? Он практиковал его?

Чжао Чэнь кивнул, не понимая, к чему клонит юноша:

— Конечно, он же врач.

Жун Жо лишь грустно улынулся.

— Странно. Врач, чьи руки должны быть тверды для иглы, обычно избегает хмельного. После вина рука уже не так точна.

Хо Ча, собирая свои инструменты, язвительно добавил:

— Оттого и слава о нем шла дурная. Говорят, однажды он так приложил иглу, что покалечил человека.

— Точно-точно! — подхватил Чжао Чэнь. — Месяца три назад на него подали жалобу в управу. Пьяным всадил иглу не в ту точку, едва не отправил пациента на тот свет. Пришлось выложить круглую сумму, чтобы замять дело.

Ехун только диву давался.

— И такому прохвосту позволяли держать лечебницу?

— Брат Чу, — вмешался Жун Жо. — Помнишь, слуга У Хуэйюнь говорил, что госпожа всегда брала лекарства именно в лавке «Фу»?

— Значит, они были знакомы?

— О, еще как, — отозвался Хо Ча. — Мать Фу Юдао — родная тетка У Хуэйюнь. Они двоюродные брат с сестрой. Семь лет назад, до того как на улице Чунмин вспыхнула чума, их семьи и вовсе жили дверь в дверь.

Чжао Чэнь хлопнул себя по лбу.

— И правда! Я совсем об этом позабыл.

Жун Жо быстро складывал мозаику фактов.

— Кузены. Оба жили на Чунмин. Их смерти определенно связаны. Но в чем причина?

— Идем, — скомандовал Ехун. — Посмотрим на эту лечебницу «Фу».

Заведение Фу Юдао находилось неподалеку от лавки У Хуэйюнь. Выстроено оно было с вызывающей роскошью — если бы не вывеска, Ехун принял бы его за богатый столичный ресторан. Но внутри было пусто, лишь сонный приказчик маячил за прилавком.

— Где ваша хозяйка?

Приказчик по имени Ван Цай вышел вперед.

— Ловец Чу... Хозяйка наша, как узнала о несчастье, в беспамятстве слегла. Горюет так, что свет не мил. Неужели наш лекарь и впрямь...

Ехун бесцеремонно уселся на стул, притянув второй для Жун Жо.

— Время обеденное, а у вас ни одного больного. Как так?

Ван Цай замялся.

— Господин Чу, тут такое дело... Мы процветали, пока... Да что уж там, скажу прямо: как Владелица У из швейной лавки закатила у нас скандал, так народ и перестал ходить.

— И из-за чего же она шумела?

— У нее спина болела, она постоянно у нас снадобья брала. Дней десять назад ворвалась в лавку, лицо красное, орет на всё здание. Обвинила Фу Юдао в том, что он в аптекарские сборы не докладывает трав, а берет втридорога. Кричала, что он даже родню обдирает. Людей в зале было полно, все слышали. Наш хозяин не сдержался и отвесил ей пощечину. В тот день они окончательно разругались.

Ехун подумал: «Яблоко от яблони...»

— И что, ваши лекарства и впрямь были с недовесом? И цены выше рыночных?

Ван Цай осекся, пряча взгляд. Цзян Ехун с грохотом опустил свой длинный меч на прилавок.

— В законах нашей империи четко сказано: за обман с весом лекарств лечебницу закрывают без разговоров. Ты хоть понимаешь, олух, что болезнь недовесом не вылечишь? С огнем играете. Жизнь не дорога?

<http://bllate.org/book/17428/1662454>